

Оноре де Бальзак

Гамбара

Перевод с французского
Наталии Немчиновой

ФТМ

Оноре де Бальзак

Гамбара

«ФТМ»

1837

де Бальзак О.

Гамбара / О. де Бальзак — «ФТМ», 1837

ISBN 978-5-4467-1272-4

Безумный гений, музыкант Гамбара, одержим идеей преобразования самых основ музыки, он надеется создать музыку, в которой будут слышны голоса ангелов, а сама она будет построена по законам природы. Однако погоня за совершенством разрушает и искусство Гамбары, и его жизнь.

ISBN 978-5-4467-1272-4

© де Бальзак О., 1837

© ФТМ, 1837

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

9

Оноре де Бальзак Гамбара

Маркизу де Беллуа¹.

Как-то утром у камелька, в великолепном и таинственно уединенном особняке, который надолго останется в наших воспоминаниях, хотя его уже не существует, в том уголке, откуда открывалась перед нами панорама Парижа – от холмов Бельвю до холмов Бельвиля, от Монмартра до Триумфальной арки, что стоит на площади Этуаль, – за чашкой чая шла беседа, в которой вы, как всегда, бросали столько тонких мыслей, рождавшихся внезапно в вашем чудесном уме, сверкавших, как ракеты фейерверка, и мне так хотелось взяться за перо, ибо из ваших слов передо мною возник образ, достойный Гофмана², носитель неведомых миру сокровищ души, пилигрим, уже стоящий у врат рая, уже улавливающий изощренным слухом пение ангелов, но бессильный повторить эти звуки устами, – и вот, призвав на помощь клавиши рояля, он в порыве божественного вдохновения пробегает по этим пластинкам слоновой кости напряженными худыми пальцами, и кажется ему, что он передает пораженным слушателям дивную музыку небес.

«Гамбара» создан вами, я только воплотил вашу идею. Позвольте же мне воздать кесарево кесарю и выразить сожаление, что вас не тянет взяться за перо. В наше время дворянин в борьбе за спасение своей страны должен владеть пером так же хорошо, как и шпагой. Вы вольны, конечно, не думать о себе, но обязаны подумать о своем таланте.

* * *

Первый день 1831 года уж раздарили все свои фунтики с конфетами, уже пробило четыре часа дня, уже в Пале-Руаяль³ хлынула толпа гуляющих, начали заполняться и рестораны. Как раз в это время перед входом в Пале-Руаяль остановилась двухместная каретка, и из нее вышел молодой человек с гордой осанкой, несомненно, иностранец, иначе на козлах его экипажа не сидел бы выездной лакей в треуголке с пышным плюмажем, а на дверцах кареты не красовались бы гербы, которые все еще вызвали негодование в героях Июльских дней⁴. Молодой человек вошел в Пале-Руаяль и смешался с толпой, двигавшейся по галерее; его не удивляло, что идти приходилось весьма медленно из-за этого скопления зевак: по-видимому, для него была привычной неторопливая поступь, иронически именуемая «посольским шагом», однако достоинство его облика немножко отдавало театральностью; черты его были красивы, выражение лица строгое, но шляпа, из-под которой выбивались у левого виска черные локоны, слишком задорно была сдвинута набекрень, и эта ухарская манера не вязалась с его степенным видом; прищутив глаза, он рассеянно и презрительно поглядывал на толпу. Миловидная гризетка, посторонившись, чтобы дать ему дорогу, вполголоса воскликнула:

– Какой красивенький молодчик!

– Очень уж много воображает о себе! – громко ответила ей дурнушка подруга.

¹ Маркиз де Беллуа, Огюст-Бенжамен (1815–1871) – поэт-драматург, друг Бальзака.

² Гофман, Эрнст-Теодор-Амедей (1776–1822) – немецкий писатель-романтик, автор новелл и сказок, в которых фантастика причудливо переплетается с реальностью.

³ Пале-Руаяль – дворец в Париже, построенный в начале XVII века; во время Бальзака в галереях, пристроенных к дворцу, помещались игорные дома, рестораны, увеселительные заведения, модные магазины; галереи эти были местом любовных свиданий.

⁴ Герои Июльских дней – то есть буржуа, пожинающие плоды Июльской буржуазной революции 1830 года.

Пройдясь по галерее, молодой человек достал из кармана часы, поглядел на циферблат, а затем на небо и досадливо щелкнул пальцами, после чего вошел в табачную лавку, зажег там от горевшей свечи сигару, встал перед зеркалом и, осмотрев свое одеяние, несколько более богатое, чем это дозволяется во Франции законами хорошего вкуса, поправил воротник фрака и черный бархатный жилет, по которому в три ряда была пущена толстая золотая цепочка, несомненно, генуэзской работы, затем он ловким движением набросил на левое плечо теплый плащ, подбитый бархатом, изящно задрапировался в него и возобновил свою прогулку, не обращая внимания на мешаночек, строивших ему глазки. Когда в лавках стали зажигаться огни, а на улице, по его мнению, достаточно стемнело, он направился к площади Пале-Руаяль и словно опасался, как бы его не узнали: он обогнул площадь, но, дойдя до фонтана, юркнул за вереницу фиакров и под этим прикрытием свернул на улицу Фруаманто, весьма грязную, темную и подозрительную улицу, своего рода сточную канаву, которую полиция все еще терпит близ Пале-Руаяля, уже подвергнутого очистке, – подобно тому, как итальянский дворецкий терпит, что неряха-лакей сгребает в угол, под лестницу, весь мусор, который выметает из барских покоев. Молодой человек в нерешительности остановился – точь-в-точь прифрантившаяся мешаночка, когда она, вытянув шею, смотрит на мутный ручей, бегущий после дождя по канаве, и не решается перепрыгнуть через него. Однако ж, если незнакомец хотел удовлетворить какую-нибудь постыдную свою прихоть, час был выбран удачно: приди он раньше, его могли бы выследить, а позже – опередить.

Поддаться призывному, но не вызывающему взгляду, целый час, а может быть, целый день ходить следом за молодой хорошенькой женщиной; увидеть в сей незнакомке богиню и весьма выгодно для нее истолковать ее легкомыслие; поверить вдруг в неодолимое, внезапное и взаимное влечение; нарисовать в воображении, воспламененном мимолетной влюбленностью, заманчивый роман, хотя в наш век романы пишут именно потому, что их в жизни больше уже не бывает; мечтать о балконах, серенадах, любовных хитростях, замках и драпироваться в плащ Альмавивы⁵; создать при свете фантазии прекрасную поэму – и вдруг очутиться у дверей притона, а в довершение всего понять, что сдержанность твоей Розины – просто-напросто осторожность, вызванная страхом перед полицией, – какое разочарование, не правда ли? И ведь многие мужчины извели его, хотя ни за что в нем не признаются. Труднее всего признаваться в том, что уязвляет самые естественные наши чувства, а тщеславие как раз и принадлежит к числу таких чувств. Если приключение дальше не заходит, парижанин воспользуется уроком или все позабудет, – словом, беда невелика; но для иностранца все могло обернуться по-иному, и молодой красавец уже побаивался, как бы ему не пришлось дорого заплатить за свое парижское воспитание.

Наш любитель прогулок был миланским дворянином, вынужденным бежать из родной страны, ибо он оказался на подозрении у австрийского правительства⁶ из-за некоторых своих либеральных выходок. В Париже графа Андреа Маркозини встретили с чисто французской любезностью, как всегда у нас встречают человека, обладающего просвещенным умом, громким именем, а вдобавок годовым доходом в двести тысяч ливров и обворожительной наружностью. Для такого счастливца изгнание стало приятным путешествием; в Италии его имущество находилось просто под секвестром, и друзья уведомили графа, что года через два самое большее он без опаски может возвратиться на родину. Граф Андреа, имевший несчастье быть поэтом, написал десяток сонетов, в которых *crudelli affani* рифмовались с *miei tiranni*⁷, оказал из своего кошелька помощь несчастным итальянским эмигрантам и после этого счел себя

⁵ Альмавива – персонаж комедии Бомарше «Севильский цирюльник» и оперы Россини, созданной на сюжет этой комедии.

⁶ Венский конгресс 1814–1815 года закрепил раздробленность Италии. Большая ее часть попала под власть австрийского императора.

⁷ Жестокие разбойники, мои тираны (итал.).

свободным от обязанностей патриота. С первых же дней он, не долго думая, ринулся в море всяческих удовольствий, которые Париж даром предоставляет всякому, кто достаточно богат, чтобы покупать их. Благодаря своей красоте и дарованиям итальянец пользовался особым успехом у женщин, тем более что он, как это свойственно юношам, любил их всех скопом, но еще ни одну среди них не отличал особо. Склонность к женщинам, впрочем, занимала в его душе второе место, а на первом стояла любовь к музыке и поэзии, которую он развивал в себе с детских лет; и ему казалось, что достигнуть в них успеха будет куда более славной победой, чем покорение женских сердец, поскольку в любовных приключениях природа избавила его от трудностей, которые мужчинам нравится преодолевать. Натура сложная, как и многие другие, он с легкостью поддавался соблазнам роскоши, без которой не мог бы жить, и очень дорожил социальными привилегиями, хотя в своих убеждениях отвергал их. Теории этого художника, мыслителя и поэта зачастую вступали в противоречие с его вкусами и привычками дворянина и миллионера; но он не очень этим огорчался, замечая подобные же несообразности у многих парижан – либералов из корыстных побуждений и аристократов по природе. Итак, 31 декабря 1830 года, когда в Париже была нередкая у нас оттепель, граф Андреа Маркозини, к собственному своему удивлению и большому беспокойству, убедился, что его очень заинтриговала женщина, за которой он шел, – женщина, одежда которой свидетельствовала о глубокой, укorenившейся, застарелой, привычной нищете, женщина, которая вовсе не превосходила красоту дам, встречавшихся ему ежевечерне в Итальянском театре, в Опере или в свете, и, несомненно, не такая молодая, как г-жа де Манервиль, назначившая ему свидание как раз на этот день и, быть может, все еще поджидавшая его. Но в нежном и боязливом, глубоком и быстром взгляде черных глаз этой женщины, который она украдкой бросила на него, было столько скорби и подавленной страсти! А как она покраснела, как вспыхнула, когда вышла из магазина, где пробыла с четверть часа, и встретила взглядом с глазами молодого итальянца, поджидавшего ее в нескольких шагах от двери!.. Словом, тут было столько «но» и «если б», что граф, поддавшись яростному влечению, которому нет имени ни в одном языке, даже в языке распутства, пустился вслед за незнакомкой, охотясь за встреченной гризеткой, словно какой-нибудь старый парижанин. И дорогой, случалось ли ему опередить эту женщину или идти позади нее, он подробнейшим образом рассмотрел и ее самое и ее костюм. Ему хотелось избавиться от нелепой, сумасшедшей прихоти, крепко засевшей в его мозгу, но скоро в этом разглядывании он уже находил наслаждение более пламенное, чем то удовольствие, какое испытывал накануне, любясь сквозь благоуханную волну надушенной ванны безупречными формами своей возлюбленной. Порой незнакомка, опустив голову, глядела на него искоса, словно козочка, которую привязали к слишком низкому колышку, вбитому в землю, и видя, что преследователь не отстает, ускоряла шаг, как будто пыталась убежать. Однако ж когда скопление экипажей или какая-либо иная помеха останавливали ее и Андреа удавалось ее догнать, наш миланский дворянин замечал, что хоть его взгляд и смущает незнакомку, черты ее не выражают ни малейшей досады. Эти верные признаки подавленного волнения подхлестнули его разгоряченное воображение, и он неотступно следовал за незнакомкой до улицы Фруаманто, куда она устремилась после многих поворотов, полагая, что скрыла свои следы от иностранца, и тот был крайне удивлен таким маневром. Уже настал вечер. Две размалеванные женщины, стоя у прилавка в бакалейной, пили черносмородинную наливку и, увидев молодую женщину, окликнули ее. Она остановилась у порога, коротко, но ласково ответила на их сердечное приветствие и двинулась дальше. На глазах у Андреа, не отстававшего от нее, она вдруг исчезла в одном из самых темных подъездов на этой улице, названия которой он не знал. От омерзительного вида трущобы, где скрылась героиня его романа, итальянцу стало тошно. Отойдя немного, чтобы рассмотреть это место, он оказался рядом с каким-то подозрительным субъектом и вздумал его расспросить. Субъект оперся правой рукой на узловатую палку, левой подбоченился и ответил одним-единственным словом:

– Ловкач!

Но, смерив взглядом итальянца, на которого падал свет уличного фонаря, он изобразил на своем лице благодушную улыбку.

– Ах, прошу прощения, сударь! – заговорил он, уже совсем другим тоном. – В этом доме помещается также и ресторация, нечто вроде кухмистерской, но готовят там скверно и в суп, представьте, кладут сыр! Но, может быть, вам эта стряпня понравится, так как по платью вашему видно, что вы итальянец: все итальянцы любят бархат и сыр. Если угодно, я могу, сударь, указать вам другую ресторацию, получше, в двух шагах отсюда: заведение держит моя жена, и она очень любит иностранцев.

Андреа закутался плащом до самых усов и бросился прочь, гонимый отвращением к гнусному своему собеседнику, у которого и физиономия, и одежда, и жесты вполне соответствовали тому отталкивающему дому, где скрылась незнакомка. Очутившись в своих покоях, он с радостью смотрел на изысканное их убранство и, переодевшись, отправился на вечер к маркизе д'Эспар, надеясь смыть таким образом грязную фантазию, тиранически властвовавшую над ним несколько часов. Но когда он лег в постель и задумался, в ночной тиши вновь возникло перед ним видение, очаровавшее его днем, только более светлое, более живое и одухотворенное, нежели в действительности. Вновь незнакомка шла впереди него; порой, переступая через канаву, она приподнимала платье, и тогда видна была ее округлая ножка; она шла нервной поступью, бедра ее покачивались при каждом шаге; вновь Андреа хотелось заговорить с нею, и он не решался (это он-то, граф Маркозини, миланский дворянин!). Затем он увидел, как она вошла в темные сени, скрылась от него, и теперь Андреа упрекал себя, зачем он не устремился вслед за нею.

«Ведь если она убегала от меня, – говорил он себе, – как будто хотела, чтобы я потерял ее следы, стало быть, я понравился ей. У женщин такого пошиба сопротивление становится доказательством любви. Если бы я довел до конца нынешнее приключение, я, может быть, почувствовал бы к ней отвращение, зато спал бы спокойно».

Граф имел обыкновение подвергать разбору самые живые свои чувства, как это невольно делают люди, обладающие в равной мере и умом и сердцем, и его удивляло, что незнакомка с улицы Фруаманто предстает перед ним не в сказочной прелести одежды, подобающей видениям, а в неприкрашенной, горькой, реальной нищете. Да если бы фантазия избавила эту женщину от нищенского ее одеяния, это бы все испортило: ведь он хотел ее, желал ее, любил ее именно такую, какова она была: в забрызганных грязью чулках, в стоптанных башмаках, в старенькой шляпе из рисовой соломки! Он желал обладать ею в том самом мерзком доме, куда она вошла на его глазах!

«Неужели меня увлекает порок? – испуганно спрашивал он себя. – Нет, до этого я еще не дошел. Мне двадцать три года, и я не похож на пресыщенных старых распутников».

Самая сила прихоти, игрушкой которой он оказался, несколько успокаивала его. Эта странная борьба, эти размышления и любовь «на ходу» справедливо могут показаться удивительными некоторым людям, привыкшим к парижским нравам, но им следует помнить, что граф Андреа Маркозини не был французом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.